

Прежде, чем я познакомилась с поэтическим творчеством Григория Блехмана, мне доводилось читать комментарии этого поэта, прозаика, публициста и литературоведа на широко известном сайте Союза писателей России «Российский писатель», щедро дополнявшие и обогащавшие публикуемые материалы. Эти комментарии не были ни сухи, ни запрограммированы. Напротив, в них ощущалась полная искренность, уважительность и доброжелательность, какие могут быть лишь при неподдельном интересе к комментируемому тексту. А также – глубокое знание лучших произведений мировой литературы.

И вызывало удивление, что в наше прагматичное время ещё есть люди, способные на бескорыстную самоотдачу и служение. Хотя и известно, что заразительны дурные примеры, в данном случае такое утверждение не работало. Заразительно было благородство и добрый пример Григория Блехмана: хотелось поучиться и перенять у него это чувство долга и ответственности не только перед отдельным человеком, но и перед чем-то большим – перед обществом. Возможно, это большое называется общественным интересом, а люди, служащие ему, – альтруистами. Вспоминаются слова одного из общественных деятелей, сказавшего, что, когда в обществе умирает альтруизм, умирает и само общество.

О тончайшем же поэтическом вкусе и чутье Григория Блехмана на таланты я узнала, прочитав его рецензии на произведения немалого числа современных поэтов, а также поэтов Серебряного века и Великой Отечественной войны. И одна из этих статей – о достаточно широко известном и почитаемом поэте наших дней, о котором думала, что он лишён кругозора и глубины лирического чувства, перевернула моё представление о нём. Стихи, что представил в ней Григорий Блехман, и его комментарии, убедили меня в моей неправоте.

Уже потом я прочла изданный в 2016 году сборник его стихов «У каждой строчки есть подстрочник». Эти стихотворения не укладывались в мои устоявшиеся представления о поэзии русской классической школы – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Есенина, Маяковского, Цветаевой..., проникнутых мятежным духом, жаждой бури, где эта жажда была естественным, имманентным состоянием души каждого из них. «Пусть сильнее грянет буря!» – призывал Горький. У Лермонтова читаем: «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!» А через столетие у Блока: «Покой нам только снится... Покоя нет!»

В книге Григория Блехмана «У каждой строчки есть подстрочник» я не увидела ни жажды бури, ни поиска покоя в буре, что непонятно для обывателя и так естественно для природы мятежной, для которой покой – синоним почти что смерти, ни жажды мщения по Пушкину: «Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу. / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу», нет и мыслей о гневе и мятеже, пронизывающих поэму Александра Блока «Возмездие». Байроновский мятежный дух, ощутимо задевший своим крылом русскую поэзию, передав ей своё бунтар-

ское начало, обошёл поэзию Григория Блехмана. А ведь так страстно призываемые русской поэзией мировые бури сегодня уже стали грозной реальностью, и призывать к ним в наше время не имеет смысла – они на пороге.

И в своих духовных исканиях поэт (а поэты, как известно, провидцы) обратился к поиску гармонии мира, к его познанию, а не к преобразованию, с целью самовластно вписаться в него, не бунтовать, не разрушать (вспомним: «Весь мир насилия мы разрушим / До основания, а затем...»), а созидать, не разрушая, поверить в провидение, а не высокомерно усомниться в нём, вписаться в законы мироздания, быть его малой частицей, а не противопоставлять ему своё «я». Такой я ощутила поэзию Григория Блехмана, прочитав предыдущий его сборник «У каждой строчки есть подстрочник», где поэт как бы заранее предупреждает о том, что поэзия – отражённый свет этого подстрочника, которым и является жизнь. В этом я увидела принципиальную позицию автора, являющуюся, на мой взгляд, велением времени и ответом на его вызовы.

* * *

И в новом сборнике «Живёшь, свою книгу листая», куда вошли избранные стихотворения поэта, Григорий Блехман остаётся верен принципу верховенства подстрочника, то есть самой жизни над её художественным воспроизведением.

Но прочтение этого подстрочника и воплощение его в художественном произведении видится Григорию Блехману не пассивным, подчинённым подстрочнику актом. Поэт склоняется над подстрочником и перед подстрочником, чтобы не только его прочесть, но и уточнить заложенные в нём помыслы: «Поскольку там ещё не точно / Располагаются слова», пишет он. И вся книга стихов, о которой идёт речь, – уточнение подстрочника, в том числе и для самого себя: для выбора и определения целей собственной жизни, её приоритетов и императивов. Задачу свою Григорий Блехман видит в том, чтобы определить и выразить в слове понимание своего места и предназначения в жизни – суметь адекватно выразить в слове эти смыслы. Потому что «Пока живёшь, ты волен мыслить / И волен для себя решать, / Каким свой путь наполнить смыслом / Или, куда направить шаг...», пишет он. А оставленная провидением человеку свобода выбора и реализация этой свободы и поступков, принятие или непринятие тех или иных положений и определяют тебя как личность.

И Григорий Блехман видит здесь двух авторов этого процесса: это жизнь без персонификации и персонифицированная личность – в данном случае поэт и его право выбора и утверждения для себя того или иного варианта поведения. На протяжении всей книги – от стиха к стиху – поэт делает это, выстраивая и утверждая свою систему ценностей с заложенной в неё единой первоосновой. Такой первоосновой является для него идея служения Человеку в высоком значении этого слова. Его сокровенное желание: «Мне б томиком стать в дорогу, / И кто-нибудь взял читать...» И можно только восхититься, как просто, трогательно, даже по-детски выражена Григорием Блехманом эта идея служения.

Нельзя также не отметить покоряющей искренности и скромности автора этих строк. И эта скромность – не показная и не случайная черта, а утверждается поэтом как принцип: «Уметь довольствоваться малым – / Не значит малое уметь...» То есть уметь довольствоваться малым и при этом многое уметь, наверное, можно прочесть, как предчувствие возможной перспективы, когда волей-неволей придётся довольствоваться малым. В таком случае умение многого – неопределимо, так как выходит на первый план. Как уместны эти слова для современного общества потребления и культа сибаритства в условиях нарастающего дисбаланса между потребностями человека и возможностями их удовлетворения существующей экосистемой.

И так от стихотворения к стихотворению Григорий Блехман, «свою книгу листая», делает выбор, который определяет его как личность: «Каждый из нас состоит из поступков – / В них наша суть. Потому и молва / Только поступки хранит неуступно. / А остальное – пустые слова».

Или другое:

О том, что было, не жалею,
Хотел бы лишь в какой-то час
Запомниться не юбилеем,
А чем-то сделанным для вас –

Поступком ли, удачной строчкой
Из многих строчек или дел.
И только этим, знаю точно,
Запомниться бы вам хотел.

Для большей убедительности приведу некоторые строки и других стихотворений:

Не надо ждать, когда оценят,
Когда придут и позовут,
А делай только то, что ценишь,
И это не считай за труд.

Вряд ли стоит комментировать эти строки. Впрочем, как и следующие:

Хотя в сегодняшней России
Поэт не «больше, чем поэт»,
Поэзия всегда вносила
В духовное пространство свет.

И там, не ведая пределов,
Струится он из века в век,
Чтоб никогда не оскудело
Для нас понятие – «Человек».

Трудно не обратить внимание, что Григорий Блехман – рыцарь понятия «Человек». Оно для него, как и звание поэта, не девальвировалось, а звучит по-прежнему высоко и обязывающе. Поэтому привожу и другие строки его стихотворений, говорящие об этом:

... Не требует того поэта
«К священной жертве Аполлон»,
В ком боль людская без ответа
Идёт в порожней рифмы звон.

Листая книгу, мне хочется приводить и приводить стихи и строчки Григория Блехмана, настолько они говорят о главных проблемах нашего времени – тенденции к утере в человеке духовности и солидарности, чувства человеческой общности, сознания ценности этих качеств, о вульгарном индивидуализме и многом другом. В подтверждение приведу ещё несколько стихотворений этого сборника:

Можно быть интересным себе,
Но другим ты тогда интересен,
Когда главный мотив твоих песен
Станет песней о каждой судьбе.

Или другое:

Не рождается истина в споре:
Спор нередко приводит и к ссоре,
А для истины есть диалог,
Где удобно услышать друг друга,
Где не дышат ни бури, ни выюга –
Только слово...
И что ты в нём смог.

А ещё читаю у Григория Блехмана: «И только каждый выбирает, / Как жить ему среди людей». И логическим продолжением этой мысли идёт переход от ответственности индивидуальной к ответственности коллективной. В частности – за трагедию, постигшую страну в перестройку и продолжающуюся в постперестроечный период. Эта боль поэта выражена в его гражданском цикле с лаконично «говорящим» названием: «И сами мы тому виной», в котором отчётлива мысль о том, что только коллективное усилие может вывести страну из затянувшегося и усугубляющегося кризиса:

... Поэтому и перспектива
Сейчас для каждого одна –
Воспрянуть всё же ото сна,
Вернуть недавние мотивы:
«Души прекрасные порывы»,
Чтобы и наши имена
Хранила в памяти страна.

Достигнуть этого не просто, когда нарушены или подменены понятия, иерархия которых, в том числе и при соотношении между общим и частным, чётко обозначена в уже приводимых стихах Григория Блехмана.

И переходя к конкретным явлениям сегодняшней жизни, поэт сохраняет эту – принятую для себя – субординацию понятий:

Я не жил в коммунальной квартире,
Но я жил в коммунальной стране,
Что была и добрее, и шире,
Чем пришедшая ныне извне.

Мы умели тогда свои песни
Петь без фальши и импортных фраз,
И мечтали, и строили вместе –
Всё, чему разучились сейчас...

А теперь мы в отдельных квартирах,
И давно нет в нас общей мечты,
Потому и от внешнего мира
Всё сильнее приток пустоты.

Если говорить о прошлом без идеализации, то надо отметить, что нарушенный баланс частного и общего в пользу общего в советской системе стал одной из причин гибели СССР. Нынешний же резкий немотивированный крен в пользу частных интересов привёл к тому, что мы наблюдаем сегодня и что грозит ещё большими бедами в недалёком будущем. И Григорий Блехман не обманывает в этом вопросе ни себя, ни читателя:

К чему придём, никто не знает
В «стране рабов, стране господ»,
Где с каждым днём всё больше тает
Надежда на иной исход...

Здесь можно было бы поставить точку. Но не в природе этого поэта ставить её на самой, может быть, пессимистической строке. Потому что Григорию Блехману принадлежат и такие слова: «За грехи и осудите строго, / Но вину не ставьте мне в укор – / Я искал лишь главную дорогу, / Где живёт надежда на простор...» И ещё: «Если прошлое реально, / Есть надежды на мечты». И это безоглядное, рвущееся из самых недр души желание «Всё отдать, завещать и расставить, / Что-то, может быть, и разбросать... / А себе я хотел бы оставить / Чистый лист и возможность писать» – для меня отчётливо характеризует личность этого поэта.

Я могла бы привести ещё много слов, строк и стихов, свидетельствующих о полной самоотдаче Григория Блехмана Его Величеству Слову. Именно той самоотдаче, которую Борис Пастернак назвал целью творчества.

* * *

Та же мировоззренческая основа заложена и в его лирике, пронизанной светлым чувством дящегося благодарения за дарованное судьбой счастье любви – чувству, которому незнакомо прошедшее время. И мне очень хотелось бы видеть их изданными отдельной книжкой. Настолько эти стихи

о самом сильном на земле чувстве являют собой по мироощущению единое целое, отдельный мир, где неуместно слово «был»: «Ведь те, кого я так любил, / С течением времени всё ближе – / Их всё ясней с годами слышу, / Так и не тронув слово “был”».

В том же ключе написаны и стихотворения, посвящённые родным и близким, братьям по перу.

И таким удивительным, проникновенным сопереживанием наполнены стихи Григория Блехмана о войне. Конечно, в этом определённую роль сыграло то обстоятельство, что поэт родился в семье фронтовиков в год нашей Великой Победы. Но всё равно, для того, чтобы стихи воспринимались, как написанные непосредственным участником боевых действий, нужен особый дар, ниспосланный свыше. Потому что такую достоверность и силу сопереживания редко встретишь даже в стихах поэтов-фронтовиков:

Нам только выполнить приказ
И за высоту зацепиться,
Но пулемёты косят нас
И вниз укладывают лица.

Всё это будто бы во сне –
И васильки, и стон, и лица,
Но есть приказ, и нужно мне
За этот выступ зацепиться.

И хоть осталась горстка нас,
Ещё чуть-чуть, и мы осилим...
Но там ведь тоже дан приказ,
И на кону лишь «или-или»...

Потом – такая тишина,
И в ней мотивом колыбельным
Высотку чувствует спина...
И выдох входит в мир отдельный.

Здесь соединились два взгляда, два видения случившегося: солдата живого и солдата погибшего. Монолога солдата погибшего мы уже никогда не услышим. А если бы слышали, возможно, он был бы похож на строки из другого стихотворения Григория Блехмана из этого же цикла:

День ото дня, из века в век
Друг друга где-то убивают.
И, не успев уйти, всплывает
Вопрос: «Чем болен человек?»

Зачем стремится на крови
Создать себе благополучие?»
Мирская жизнь ведь – только случай
С одним напутствием: «Живи!»

В стихотворении ещё есть одно четверостишие, но я позволю себе привести его как самостоятельные финальные строки всего, о чём уже сказала:

... День ото дня, из века в век –
Свой путь земной пройди достойно,
Чтоб в мир иной входя, спокойно
Произнести: «я – Человек».

И эти строки можно считать основой мировоззрения Григория Блехмана, отчётливо отразившегося в его новом сборнике избранных стихотворений, который, не сомневаюсь, внесёт свежую струю в нашу литературную жизнь и поэтическое восприятие души.